

Алма Катсу

ГЛУБИНА

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К29

Alma Katsu

THE DEEP

Copyright (c) 2020 by Glasstown Entertainment LLC; and Alma Katsu
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part
in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's
Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin
Random House LLC.

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Катсу, Алма.

К29   Глубина / Алма Катсу ; [перевод с английского
К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-204068-9

Говорили, что этот лайнер роскошнее, чем любой из существующих кораблей. Говорили, что он непотопляем. Но «Титаник» затонул в первом же плавании, и ещё прежде, чем корабль столкнулся с айсбергом, на борту его творилось нечто зловещее... и потустороннее.

Энни Хеббли пережила гибель «Титаника». Она годами пыталась оправиться от произошедшего — не только от катастрофы. Она хотела забыть об ужасах, творившихся на борту лайнера, но прошлое невозможно стереть. На борту плавучего госпиталя «Британник» Энни придётся погрузиться в страшные воспоминания. Ведь «Британник» — близнец «Титаника», и кошмар повторится вновь...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-204068-9

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается памяти
душ, погибших во время трагических крушений
«Титаника» и «Британника»*

Падение на миг кажется чем-то совершенно иным — кратким, безумным проблеском свободы.

Но поверхность является слишком быстро, разбиваясь вдребезги о ее кожу пеленой стекла, вышибая из легких воздух. Или, может, это разбилась она сама. Она уже словно и не человек вовсе, не цельное существо, а летящие сквозь тьму фрагменты. Жжение в легких становится невыносимым; разум прекращает сопротивляться, уступая место боли.

Сквозь холод приходят странные мысли: здесь нет красоты.

Такая малость — и неожиданное утешение.

Однако тело жаждет своего: прошу, умоляет оно. Тело начинает бороться, взгляд устремляется к скудному звездному свету вверх, уже такому далекому. Кто-то однажды сказал ей, что звезды — это лишь булавки, которые удерживают черное небо, дабы оно не рухнуло на мир и не удушило его. Краткое спокойствие сменяется паникой. Ее захватывает страшное, неудержимое желание — не жизнь вызывает к ней, требуя попытаться еще раз, но любовь. Мы все заслуживаем второй шанс. Мысль возникает как будто не внутри, но вокруг нее,

пусть течения утягивают все глубже, пусть холодный туман окутывает разум.

Поверхность остается совсем далеко, непостижимая, недосягаемая. Холод повсюду, он давит, умоляет его впустить.

Я дам тебе еще один шанс, будто бы шепчет вода. Я заставлю все уйти, только впусти.

Обещание. Волны уже не тянут вниз, они обволакивают объятиями, ожидая ответа.

Она все-таки открывает рот. Вода врывается внутрь, становясь ответом.

1916

*18 сентября 1916 г.
Ливерпуль, Лечебница Морнинггейт
К сведению главного врача*

Любезный сэр,
пишу в надежде, что Вы поспособствуете в крайне деликатном вопросе.

Четыре года назад моя дражайшая дочь Энни неожиданно исчезла из нашего дома в деревушке Баллинтай. С тех самых пор мы с женой без устали ее разыскиваем. Мы наводим справки в больницах и оздоровительных учреждениях, ведь в последний раз видели нашу дочь не в себе от пережитого — и, быть может, в то время недооценили глубину ее скорби. Начали с заведений поблизости, в Белфасте, и Лисберне, и Бангоре, однако, когда обнаружить ее не удалось, мы постепенно расширили круг и в конце концов пересекли Ирландское море и добрались до Ливерпуля.

Мы написали в пятьдесят пять больниц. Когда удача нам так и не улыбнулась, появилась мысль включить в поиски и заведения Вашего профиля. С самого детства наша Энни крайне подвержена чувствам, присутствующим всем представительницам ее пола. Сии чувства, однако, способны быть как благословением, так и проклятием: женщина без оных качеств станет воистину

холодным и бессердечным существом, но нет ничего хорошего и в том, когда любовь обуревают безо всякой меры. Как отец, я временами невольно жалею о том, что не нашел способа усмирить сие качество моей дражайшей Энни.

И посему пишу Вам, любезный сэр, вопрошая, нет ли среди пациенток Вашего учреждения женщины, подходящей под описание моей Энни. Ей стукнуло уже двадцать два, в ней пять футов шесть дюймов роста. Застенчивая, тихая девушка, способная прожить неделю, не промолвив и словечка.

Молюсь, чтобы Вы сумели покончить с кошмаром, во власти которого мы пребываем, и вернуть нам нашу Энни. Да, в двух словах: она сбежала из дома, где мы ее холили, но подозреваем, что дело исключительно в ее страхе перед осуждением. Прошу, сэр, знайте, мы занимаемся этим вопросом, не привлекая закон, дабы уберечь частную жизнь и достоинство Энни. Молю Вас о молчании. Полагаю, при Вашей работе вам доводится встречать изрядное количество женщин в сходной ситуации.

Энни — наша единственная дочь, и несмотря на ее наклонности, ее слабости, несмотря на что угодно, что она могла сотворить, мы горячо ее любим. Передайте ей, что братья еженощно молятся о ее возвращении, что комната остается нетронута с тех пор, как Энни ее оставила, в надежде, что мы вновь примем ее в объятия любящей семьи.

С уважением,
Джонатан Хеббли
Община Баллинтуй, графство Антрим,
Северная Ирландия

25 сентября 1916 г.

Уважаемый господин Хеббли,

я получил Ваше трогательное письмо касательно Вашей дочери Энни в прошлую пятницу. Не могу не сочувствовать Вашей беде, однако с сожалением должен сказать, что помочь не способен.

Закон о невменяемости 1890-го привел к множеству изменений в ограничениях правового характера, действующих для учреждений, подобных Морнингейту. Закон вынуждает ввести невиданные доселе меры, призванные, по моему мнению, скорее защитить заведение от ложных судебных претензий, нежели послужить на благо больных. Здесь, в Морнингейте, эти меры распространяются и на защиту частной жизни наших пациентов. Посему, при всем уважении, вынужден Вам отказать. Речь, видите ли, идет о сохранности личного пространства больных, которые зачастую немало страдают от предрассудков общества в отношении тех, кто подвержен расстройству нервов и разума.

Прошу, не сочтите сей ответ ни подтверждением, ни опровержением присутствия Вашей дочери в Морнингейте. Будучи управляющим сего учреждения, я обязан подчиняться закону.

Ваш покорный слуга,
Найджел Давенпорт,
главный врач, лечебница Морнингейт
Байшор-Мьюз, Ливерпуль, Англия

Глава первая

Октябрь 1916 г.

Ливерпуль

Лечебница Морнинггейт

Она не безумна.

Энни Хеббли втыкает иголку в грубую ткань серого цвета, нежного, подобно оперению голубей, что застревают в местных дымоходах, бьются там и кричат, и временами расшибаются насмерть в тщетной попытке высвободиться.

Она не безумна.

Взгляд Энни следует за иголкой, снующей то внутрь, то наружу вдоль края ткани. Внутрь и наружу. Внутрь и наружу. Острая, блестящая, идеальная.

Но в ней есть нечто привлекающее безумие.

Энни начала понимать беспорядочные поступки сумасшедших — приступы рыданий, бессвязное бормотание, неистовые размахивания руками и ногами. За долгие дни, недели, годы в них появляется некий умиротворяющий ритм. Но нет, она не одна из них. Это ей предельно ясно.

Ясно как Господь и Дева Мария, как сказал бы папа.

Над шитьем трудится еще дюжина пациенток, отчего в комнате тепло, даже душно, несмотря на скудный огонек в камине. Труд якобы временно облегчает нервные расстройства, и посему столь многие обитатели полу-

чают работу, в особенности те, кто здесь скорее по причине собственной нищеты, нежели из-за некоего недуга как разума, так и тела. Большинство нуждающихся держат в работных домах, однако Энни обнаружила, что довольно многие умудряются пробраться в лечебницы, как только освобождается койка. Не говоря уже о падших женщинах.

Какие бы причины ни привели их в Морнинггейт, большинство женщин здесь довольно кротки и покоряются воле медсестер. Однако есть некоторые, кого Энни по-настоящему боится.

Она съеживается во время работы, не желая даже мимолетно их касаться, не в силах избавиться от подозрения, что безумие способно передаваться от человека к человеку, как обычная зараза. Что оно зреет, словно споры плесени в забытой на солнце бутылке молока. Сначала незаметно, но вскоре прокисает и портится все молоко.

Энни сидит на жестком стульчике в швейной, держа на коленях свою работу на утро, но письмо, спрятанное в кармане, то и дело против воли всплывает в мыслях, словно тлеющий уголек, жжет сквозь льняное платье. Энни узнала почерк еще до того, как увидела имя на конверте. Она перечитала письмо с дюжину раз, не меньше. Под покровом ночи, когда никто не видит, она целует его, будто распятие.

Словно притянутая греховностью ее мыслей, у плеча возникает сестра милосердия. Энни задается вопросом, сколько же она уже стоит там и смотрит на нее. Эта сестричка новая. Она еще не знает Энни — вернее, знает, но плохо. Энни всегда оставляют на новеньких, которые пока не научились ее бояться.

— Энн, милая, тебя хотел бы увидеть доктор Давенпорт. Я отведу тебя в его кабинет.

Энни поднимается со стула. Ни одна из женщин не отрывает взгляда от шитья. Сестры никогда не поворачиваются к пациентам Морнингейта спиной, так что Энни волочит ноги по коридору, и присутствие сопровождающей подталкивает ее, будто раскаленная кочерга. Если бы Энни удалось улучшить миг, она бы тут же избавилась от письма. Бросила бы за шторой, сунула бы под ковровую дорожку. Нельзя, чтобы его нашел доктор. Ей так стыдно даже подумать об этом, что мурашки бегут.

Но в Морнингейте Энни не бывает одна.

В пыльном отражении коридорных окон они кажутся парой призраков — Энни в сизой больничной пижаме и сестра в длинной кремовой юбке с передником и в головном покрывале. Мимо долгой череды запертых дверей, палат, где бормочут и воют больные.

О чем они кричат? Что их так терзает? Для некоторых это джин. Других сюда отправили мужья, отцы, даже братья, которым не нравится, как их женщины мыслят, что они не скрывают своих убеждений. Но настоящих безумцев Энни сторонится, не желая узнавать их судьбу. Там, несомненно, предостаточно несчастий, а в жизни Энни и без того хватает печали.

Само здание большое, путаное, его в несколько этапов перестроили из старого склада Ост-Индской компании, который закрылся в 1840-х. Во дворе, где женщины по утрам делают зарядку, на стенах красуются потеки пота и слюны, отпечатки ладоней, бурые пятна крови. К счастью, газовые лампы светят совсем тускло экономии ради и придают грязи приятный теплый оттенок.

Они проходят мимо мужского крыла; иногда из-за стены доносятся голоса, но сегодня там тихо. Мужчин и женщин держат раздельно, потому что среди последних есть те, кто страдает от особого нервного расстройства, от которого у них вскипает кровь. Такие женщины не выносят вида мужчины, сразу начинают трястись, срывать с себя одежду, прокусывать собственный язык и падать в конвульсиях.

Так говорят. Сама Энни еще ни разу не видела. Тут любят поговорить о пациентах, особенно о женщинах.

Но здесь Энни в безопасности от огромного мира. Мира мужчин. Вот что главное. Маленькие помещения, узкие каморки не слишком отличались от старого дома в Баллинтое с четырьмя крошечными комнатками и бушующим в каких-то двадцати шагах от двери Ирландским морем. Здесь, во дворе, воздух тоже пропах солью, но даже если вода и рядом, Энни ее не видит — не видела уже четыре года.

Это одновременно и утешение, и проклятие. Бывают дни, когда Энни просыпается от кошмаров, где черная вода хлещет в открытый рот, обращает легкие в холодный камень. Океан глубок и безжалостен. Сколько она себя помнит, семьи в Баллинтое теряют в море отцов и братьев, сестер и дочерей. На ее глазах воды Атлантического океана были завалены сотнями тел. Это больше, чем похоронено на всем кладбище Баллинтоя.

И все же есть другие дни, когда Энни просыпается — и у нее под ногтями штукатурка со стен, которые она скребла, отчаянно пытаясь выбраться наружу, вернуться к нему. Ее кровь бурлит в такт морскому прибою. Энни жаждет попасть к нему.